Международные аспекты уголовного судопроизводства

**Артём Леонидович
ОСИПОВ,**

доцент кафедры уголовно-
процессуального права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
osipov1280@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье приводится обзор современного состояния имплементации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в законодательстве и правоприменительной практике российского уголовного судопроизводства. Значительное внимание уделено эволюции правовых подходов Конституционного Суда РФ, который, являясь важнейшим актором в национальной системе имплементации прецедентной практики ЕСПЧ, за последние годы обозначил целый ряд проблем функционирования концепции «диалога Судов». Исследуется значение поправок к Конституции РФ 2020 г. для дальнейшего развития процесса реализации правовых позиций ЕСПЧ в российском уголовном судопроизводстве. На примере актуальной практики ЕСПЧ по делам в отношении России выявляются укоренившиеся проблемы в национальном правовом регулировании отдельных стадий и институтов уголовного судопроизводства, анализируются тенденции судебной практики, рассматриваются различные предложения по ее гармонизации с европейскими правовыми стандартами.

Ключевые слова: ЕСПЧ, уголовное судопроизводство, правовые позиции, суд, имплементация, контроль, гарантии.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.116-125

A. L. OSIPOV,

Associate Professor of the Chair of Criminal Procedural Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law)

osipov1280@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

IMPLEMENTATION OF THE LEGAL POSITIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. The article offers an overview of the modern state of affairs in the field of the implementation of legal positions of the European Court of Human Rights (ECtHR) in Russian criminal procedural law and law-enforcement

practices. Significant attention is paid to the legal approaches of the Russian Constitutional Court as one the main actors in the national implementation system who pointed out a series of problems in functioning of the conception known as «dialog between the Courts». We research the amendments to the Russian Constitution of 2020 year in respect of it's meaning to the process of realization of the legal positions of ECtHR in the Russian criminal procedure. With the examples from the modern ECtHR case-law in respect of the Russia root problems in the law regulation of different stages and institutions of criminal procedure are being revealed. The article also offers analysis of the trends in national courts practices with proposals of it's harmonization with the European legal standards.

Keywords: ECtHR, criminal procedure, legal positions, court, implementation, control, guarantees.

С момента ратификации Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 (далее — Конвенции) и признания нашей страной ipso facto обязательности юрисдикции Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) по вопросам толкования и применения положений данного регионального международного договора прошло более 20 лет. Данный период развития в истории российской правовой системы ознаменовался многими политическими, экономическими и сугубо правовыми событиями, которые породили много вопросов, как с точки зрения концептуальных основ применения международных норм и практики межгосударственных органов по защите прав человека в системе внутреннего права, так и с точки зрения практических аспектов реализации позиций ЕСПЧ в правоприменительной практике российских государственных органов.

После вступления в силу на территории РФ положения Конвенции и некоторых дополняющих ее Протоколов успели воплотиться в тексте ряда правотворческих актов и актов, разъясняющих российское право. В серии своих решений Конституционный Суд РФ разъяснил конституционно-правовые основы имплементации правовых позиций ЕСПЧ в российской судебной практике.

Верховный Суд РФ наряду с рассмотрением конкретных дел с учетом правовых позиций ЕСПЧ принял имеющее системное значение постановление Пленума от 27.06.20013 № 21, которое содержит ряд революционных для своего времени разъяснений. В качестве примера можно привести разъяснение о толковании положений российских нормативных правовых актов с учетом того значения, которое им придается в практике ЕСПЧ, а также положение о допустимости учета в российской судебной практике правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся в его решениях в отношении других государств — участников Конвенции.

Эти и другие положения российских «имплементационных актов» имеют наиболее важное значение для системы уголовного судопроизводства, в рамках которой права и свободы, гарантируемые Конвенцией и Протоколами к ней, подвергаются наиболее серьезным ограничениям, а причиняемый при этом вред зачастую остается невосполнимым.

Положения Конвенции сыграли роль важного правового инструмента на этапе трансформации уголовно-процессуального законодательства постсоветского

периода, выступая своеобразным драйвером его обновления в духе расширения состязательных начал, обеспечения сторонам равных возможностей по отстаиванию своих законных интересов перед независимым судом. На этом историческом этапе имплементации конвенционных норм Конституционный Суд РФ эпизодически ссылался на положения Конвенции без отсылок к конкретным решениям из практики ЕСПЧ.

Подобная модель аргументации встречается в таких поворотных решениях Конституционного Суда РФ постсоветского периода, как его постановление от 02.07.1998 № 20-П¹ и постановление от 23.03.1999 № 5-П². Данные решения органа конституционного контроля, вынесенные с учетом положений ст. 6 Конвенции, создали основу для понимания конституционно-правового смысла современных уголовно-процессуальных норм о предмете и пределах судебного контроля в уголовном судопроизводстве. Это подтверждает тот факт, что с конца 1990-х гг. Конституционный Суд РФ начал использовать текст Конвенции для выявления конституционно-правовых смыслов норм отраслевого законодательства, включая и УПК РФ.

С каждым последующим годом семантическая роль отсылок к содержанию конвенционного текста в решениях Конституционного Суда РФ все более возрастает. Абстрактные ссылки на те или иные статьи Конвенции дополняются уточняющими формулировками и цитированием из практики ЕСПЧ, появляются ссылки на его решения, принятые в отношении других государств. Причем с юридико-технической точки зрения ссылки на практику ЕСПЧ оформляются гораздо эффективнее, чем в предыдущий период: воспроизводятся не только дата вынесения соответствующего решения, но и конкретные параграфы с релевантными правовыми позициями ЕСПЧ³.

По мере накопления решений Страсбургского суда в отношении России правовые позиции из них также включаются в аргументацию Конституционного Суда РФ по ключевым вопросам уголовно-процессуального регулирования. Ярким примером в этом отношении является постановление Конституционного Суда РФ от

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 14.07.1998. № 131.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырцкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»» // Российская газета. 15.04.1999. № 72.

³ В качестве примера можно сослаться на п. 2.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 01.04.2005. № 66.

20.11.2007 № 13-П, в котором рассматривается вопрос уголовно-процессуальной дееспособности лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Центральным звеном в системе аргументации этого постановления стали правовые позиции, сформулированные ЕСПЧ в постановлении по делу «Романов против России» от 20.10.2005. Через несколько лет после принятия данного постановления в гл. 51 УПК РФ были внесены изменения, корреспондирующие смыслу правовых позиций ЕСПЧ из постановления по делу «Романов против России», предполагающие индивидуальный подход правоприменителя к учету психических способностей душевнобольного лица участвовать в уголовном судопроизводстве и использовать процессуальные права обвиняемого⁴.

Начиная с 2013 г., Конституционный Суд РФ выносит несколько решений, которые направлены на формализацию критериев разграничения компетенций российского органа конституционного контроля и ЕСПЧ. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, высказанные в данных решениях, имели системные и долгосрочные последствия для правовой системы Российской Федерации.

Конституционные поправки 2020 г. в той части, в которой Конституционный Суд РФ наделяется правом рассмотрения вопросов о неисполнимости решений межгосударственных органов по защите прав человека, являются закономерным следствием указанных правовых позиций. Постановление ЕСПЧ, выявившее нарушение конвенционных прав заявителя в связи с применением того или иного российского закона, стало трактоваться как повод для обращения суда общей юрисдикции, рассматривающего вопрос о возобновлении производства по новым обстоятельствам, в Конституционный Суд РФ с запросом о соответствии Конституции РФ этих положений российского законодательства.

Данная правовая позиция, изначально сформулированная применительно к выявлению конституционно-правового смысла ст. 392 ГПК РФ, вскоре приобрела черты универсального подхода, эволюция которого привела к появлению концепта «конвенционно-конституционных коллизий».

В постановлении от 23.09.2014 № 24-П Конституционный Суд РФ закрепил позицию, согласно которой «нельзя признать обоснованным и представление об инстанционной и содержательной взаимозависимости постановлений Конституционного Суда РФ, который осуществляет проверку конституционности норм закона, примененных в конкретном деле судом, и Европейского Суда по правам человека, который устанавливает наличие нарушения в этом деле прав и свобод, получивших закрепление в Конвенции о защите прав и свобод человека и гражданина»⁵.

Признавая постановления ЕСПЧ, вынесенные в отношении России, «частью российской правовой системы», Конституционный Суд РФ в получившем широ-

⁴ Федеральный закон от 29.11.2010 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 03.12.2010. № 274.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // Российская газета. 03.10.2014. № 226.

кую известность постановлении от 14.07.2015 № 21-П провозгласил приоритет Конституции РФ над нормами Конвенции и практикой ЕСПЧ. Отдельные формулировки данной правовой позиции позволяли предполагать, что конституционный приоритет распространяется на случаи, когда правовые позиции ЕСПЧ содержат оценку национального законодательства либо касаются необходимости изменения его положений⁶.

По мнению российского органа конституционной юстиции, Россия вправе отказать от исполнения решения ЕСПЧ в части мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы Конвенции, на котором основано соответствующее решение ЕСПЧ, нарушает положения Конституции РФ. Как известно, прямым следствием данных правовых позиций Конституционного Суда РФ стали два его постановления, которые на основе обновленной редакции Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» позволили сделать вывод о неисполнимости в России двух постановлений ЕСПЧ⁷.

Более сложная конструкция правовой нормы, определяющей полномочия Конституционного Суда РФ в сфере идентификации и разрешения конвенционно-конституционных коллизий, была предложена конституционным законодателем в 2020 г. в тексте Закона РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О поправке к Конституции РФ». Согласно п. «б» ч. 5 ст. 125 УПК РФ Конституционный Суд РФ разрешает вопрос о возможности исполнения «решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае, если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации».

Согласно действующей редакции ст. 79 Конституции РФ «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Интересна интерпретация этого положения Европейской комиссией за демократию через право, одной из экспертно-консультативных организаций Совета Европы. Эксперты данной организации сошлись во мнении, что если вопрос применения

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П. П. 2.2 // Российская газета. 27.07.2015. № 163.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 05.05.2016. № 95 ; постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 03.02.2017. № 24.

общих мер на основе того или иного решения ЕСПЧ еще может быть предметом рассмотрения в конституционном суде соответствующего государства, то этого нельзя сказать о реализации мер индивидуальных, в том числе связанных с выплатой денежных компенсаций жертвам нарушения Конвенции.

Кроме того, эксперты обратили внимание на то, что предлагаемая на тот момент редакция ст. 79 Конституции РФ существенно расширяла сферу дискреции государства в разрешении вопроса о неисполнимости своих международных обязательств путем установления в качестве единственного основания для принятия такого решения противоречия между Конституцией РФ и решением межгосударственного органа⁸.

Не вдаваясь в системный анализ всевозможных правовых последствий указанных конституционных поправок для имплементации правовых позиций ЕСПЧ в систему российского уголовного судопроизводства, обратимся к текущим проблемам уголовно-процессуального регулирования на основе обзора актуальных постановлений ЕСПЧ. Большинство данных постановлений не выявляет прямого противоречия с содержанием российских законодательных актов, относящихся к источникам уголовно-процессуального права.

Вместе с тем практика ЕСПЧ может являться маркером отдельных лагун в правовом регулировании. Одной из нерешенных на сегодняшний день проблем остается ограниченный потенциал доследственной проверки, регулируемой ст. 144, 145 УПК РФ. На фоне доктринальных дискуссий о возможности или необходимости реформирования стадии возбуждения уголовного дела, в повседневной практике ЕСПЧ с привычной уже регулярностью продолжают появляться постановления, констатирующие ответственность российских властей за нарушение своих процессуальных обязательств по ст. 2 и ст. 3 Конвенции.

Суть данных нарушений сводится к неэффективности проведенного «расследования» по заявлениям или сведениям о применении представителями власти недозволённых методов расследования, в том числе физического насилия и угроз. Рассматривая данную категорию дел, ЕСПЧ вполне традиционно проверяет тот объем мероприятий, который был проведен следственными органами государства в ходе проверки сообщения о должностном преступлении. Сам термин «расследование» в данном случае понимается автономно от российских уголовно-процессуальных институтов, и обозначает урегулированную законом деятельность государства, направленную на всестороннее установление обстоятельств произошедшего, изобличение виновных, установление степени их вины и компенсацию причиненного пострадавшему вреда.

Несмотря на соответствие иным критериям эффективности, российские правоохранительные органы *de jure* в ходе проверок сообщений о преступлениях не уполномочены проводить такие следственные действия, как проверки показаний на месте, очные ставки или предъявления для опознания, что с точки зрения ЕСПЧ существенно снижает эффективность таких проверок.

⁸ Мнение Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) по законопроекту о поправках к Конституции РФ // URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD\(2020\)009-e&fbclid=IwAR18I-IemLyL-oQE6Qzj963HyJZqkgcluk_yUlvS6kib_du0DDhLNASPri0](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2020)009-e&fbclid=IwAR18I-IemLyL-oQE6Qzj963HyJZqkgcluk_yUlvS6kib_du0DDhLNASPri0) (дата обращения: 24.10.2020).

Свидетельством актуальности данной проблемы может послужить совсем свежее постановление ЕСПЧ по делу «Х. и Y. против России» от 22.09.2020. Рассматривая жалобу осужденного на применение к нему физического насилия в отделе полиции в первые часы после задержания, ЕСПЧ в очередной раз цитирует свою прецедентную позицию о том, что «простое проведение доследственной проверки является недостаточным в тех случаях, когда власти должны выполнить свои процессуальные обязательства по ст. 3 Конвенции, связанные с проведением эффективного расследования заявлений о насилии, которому заявитель подвергся в помещении органа полиции».

Впрочем, в данном конкретном деле нарушение государством своих процессуальных обязательств по ст. 3 Конвенции было обусловлено не столько правовой регламентацией доследственных проверок по УПК РФ, сколько недостатком тщательности при производстве такой проверки. По данному факту не были опрошены ключевые очевидцы предполагаемого насилия в полицейском участке, включая лиц, которые содержались там под стражей, также не был проведен осмотр места происшествия⁹. В других решениях ЕСПЧ по данной проблематике обнаруживается узость рамок правового регулирования перечня следственных и иных процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела.

Так, в постановлении по делу «Попов против России» от 02.07.2019 при оценке исполнения российскими властями своих процессуальных обязательств по ст. 3 Конвенции ЕСПЧ обратил внимание на такие недостатки доследственной проверки, как непроведение очных ставок между «подозреваемыми» и заявителем, а также отсутствие попыток воспроизвести обстановку на месте происшествия (можно предположить, что речь здесь идет о проверке показаний заявителя на месте либо о проведении следственного эксперимента)¹⁰. В указанном постановлении отмечены и иные нарушения, снизившие эффективность доследственной проверки, однако вопрос ограниченности перечня допустимых в ходе такой проверки следственных действий остается одной из нерешенных на сегодняшний день проблем по делам о «полицейском насилии».

Поверхностность и неполнота доследственных проверок имеют еще один немаловажный аспект. В некотором смысле данные недостатки подрывают эффективность институтов ретроспективного судебного контроля, когда жалобы на насилие в полицейском участке заявляются уже в ходе рассмотрения дела по существу в контексте рассмотрения вопроса о допустимости признательных показаний обвиняемого.

К числу несомненных достоинств постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» можно отнести его пункт 12, в котором суды ориентируются на принятие достаточных и эффективных мер по проверке заявления подсудимого о применении к нему насилия со стороны пред-

⁹ Постановление ЕСПЧ по делу «Х. и Y. против России» от 22.09.2020 г. // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁰ Постановление ЕСПЧ по делу «Попов против России» от 02.07.2019 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

ставителей власти при получении показаний в присутствии защитника. Этот же пункт рассматриваемого постановления рекомендует судам направлять такие заявления руководителю органа предварительного расследования и не ограничиваться результатами такого расследования при разрешении вопроса о допустимости спорных показаний. Оценка судом результатов доследственной проверки должна найти отражение в приговоре.

Можно высказать некоторое сожаление о том, что в тексте рассматриваемого постановления Пленума Верховного Суда РФ не нашли отражения более четкие критерии, которыми мог бы руководствоваться суд первой инстанции при оценке эффективности проведенной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. Отсутствие ясных представлений о данных критериях, а также неверное распределение судом бремени доказывания в спорах о допустимости доказательств приводит к увеличению решений ЕСПЧ, в которых нарушение процессуальных обязательств по ст. 3 Конвенции связывается именно с неэффективностью судебного контроля.

К числу таких критериев можно отнести, среди прочего, своевременное проведение судебно-медицинской экспертизы по жалобам на телесные повреждения, наличие в решении, вынесенном по результатам проверки, детальных сведений о действиях сотрудников полиции по применению физического принуждения, которые позволяли бы оценить необходимость и соразмерность этих действий¹¹. Таким образом, даже в отсутствие глубоких институциональных реформ стадии возбуждения уголовного дела включение в текст разъяснений Пленума Верховного Суда РФ соответствующих критериев проверки заявлений подсудимых о применении к ним насилия со стороны представителей власти может обеспечить гармонизацию российской правоприменительной практики со стандартами ЕСПЧ в данной сфере.

Другой нерешенной на сегодняшний день проблемой являются недостатки правового регулирования порядка получения и использования заявления о явке с повинной. Отсутствие в законе требования о необходимости оформления такого заявления в присутствии адвоката рассматривается ЕСПЧ как фактор, который требует особенно тщательной проверки доводов обвиняемого о недобровольном характере такого заявления. При его использовании в доказывании на сторону обвинения переходит бремя доказывания того, почему исключительно в обстоятельствах конкретного дела общая справедливость судебного разбирательства не нарушается использованием заявления о явке с повинной.

При этом ЕСПЧ учитывает такие факторы, как: 1) нахождение обвиняемого в уязвимом положении в силу здоровья, возраста или иных причин; 2) наличие сведений о применении к обвиняемому насилия в период времени, относящийся к получению заявления о явке с повинной; 3) опровержение обвиняемым содержания заявления о явке с повинной; 4) наличие других доказательств в отношении обвиняемого; 5) оценка профессиональным судьей всех доказательств по делу; 6) публичный интерес в уголовном преследовании обвиняемого (характер и степень общественной опасности инкриминируемого ему преступления).

¹¹ Постановления ЕСПЧ по делам «Коняев против России» от 26.03.2019 ; «Габбазов против России» от 05.03.2019 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

Довольно показательным в этом отношении является постановление ЕСПЧ по делу «Балбашев против России», в котором установлено, что заявление обвиняемого о явке с повинной в связи с совершением разбоя и убийства явилось центральным доказательством, вокруг которого возникло уголовное дело. В отсутствие орудия преступления или тела жертвы суд первой инстанции в данном деле ориентировался главным образом на признательные показания двух соучастников заявителя, которые впоследствии изменили свои показания. Ни одно из этих доказательств не являлось прямым. В такой ситуации ЕСПЧ пришел к выводу о том, что заявление о явке с повинной играло значительную роль в доказательственной базе обвинения. Наличие возможностей оспорить данное заявление в суде не рассматривается ЕСПЧ как эффективное средство защиты в связи с отсутствием в законодательстве требования о присутствии защитника во время получения данного заявления¹².

Не утрачивают своей актуальности правовые позиции ЕСПЧ, определяющие стандарты судебного контроля за законностью производства оперативно-розыскных мероприятий, затрагивающих конституционные права личности на неприкосновенность жилища и уважение частной жизни. Результаты данных оперативно-розыскных мероприятий используются в качестве доказательств по уголовным делам, а следственные действия, проводимые в целях их проверки, не обеспечивают контроля в отношении пропорциональности ограничения конституционных прав обвиняемых.

В целой серии своих решений ЕСПЧ отмечал отсутствие в России нормативной основы, определяющей стандарты судебной проверки необходимости и пропорциональности ограничений права на уважение частной жизни. Типичными недостатками судебных решений являются отсутствие в них обоснования разумности подозрений в отношении «заподозренного» лица, а также оценки пропорциональности ограничения его прав преследуемой властями законной цели¹³.

ЕСПЧ требует от национальных судов того, чтобы они обеспечивали баланс частных и публичных интересов при принятии решений, санкционирующих производство оперативно-розыскных мероприятий. В деле «Зубков и другие против России» неэффективность национального судебного контроля, среди прочего, была выявлена уже на стадии судебного разбирательства, когда российский суд формально подошел к проверке доводов подсудимого о получении доказательств против него в результате необоснованных оперативно-розыскных мероприятий¹⁴.

Принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19, посвященного вопросам судебного контроля за производством следственных

¹² Постановление ЕСПЧ по делу «Балбашев против России» от 22.09.2020 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

¹³ Постановления ЕСПЧ по делам «Дудченко против России» от 07.11.2007 ; «Ахлюстин против России» от 07.11.2017 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Зубков и другие против России» от 07.11.2017 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).

действий, не было достаточной мерой для имплементации отмеченных правовых стандартов из практики ЕСПЧ. Разъяснения данного постановления обходят молчанием вопрос о необходимости судебного контроля в отношении пропорциональности вмешательства в осуществление конституционных прав.

Нарастающая цифровизация уголовного судопроизводства, применение и совершенствование технологий удаленного доступа для обеспечения коммуникации между судом и участниками судебных разбирательств актуализируют поиск нормативной основы для использования таких технологий в гармонии с международными стандартами защиты прав человека. В этой связи крайне актуальны сегодня правовые позиции ЕСПЧ, которые могут быть использованы для формирования правовых режимов использования технологий видео-конференц-связи, а также веб-конференций.

В постановлении по делу «Евдокимов и другие против России»¹⁵ ЕСПЧ в очередной раз подчеркнул, что подобная форма участия в судебных заседаниях сама по себе не противоречит требованиям справедливого судебного разбирательства при условии, что заключенный имеет эффективную возможность следить за ходом судебного заседания, видеть его участников и слышать их речь. Не менее важна техническая возможность, позволяющая другим участникам судебного заседания видеть и слышать заключенного.

Постановление по делу «Сахновский против России» до сих пор актуально в части правовых позиций ЕСПЧ, определяющих гарантии защиты права на справедливое судебное разбирательство при удаленной коммуникации обвиняемого с судом. К числу таких гарантий относятся: 1) наличие достаточного времени и возможности проконсультироваться со своим защитником лично до момента начала судебного заседания; 2) наличие у защитников возможности присутствовать в помещении, в котором находится заявитель (на случай необходимости предоставления ему конфиденциальных кратких консультаций); 3) наличие возможности организовать устное общение между обвиняемым и его защитником посредством защищенных телефонных каналов связи (в той ситуации, когда защитник и обвиняемый находятся в разных помещениях).

Очевидно, что данные правовые позиции ЕСПЧ нарушаются в гораздо большем числе дел, чем это видно из его судебной практики. Имплементация данных правовых позиций, на наш взгляд, требует создания качественной правовой базы применения технологий удаленного доступа в судебных заседаниях, а именно отдельной правовой нормы, которая определяла бы условия, основания применения данных технологических решений в уголовном судопроизводстве, права участников судебного заседания и гарантии их защиты, вытекающие из соответствующих постановлений ЕСПЧ.

¹⁵ Постановление по делу «Евдокимов и другие против России» от 16.02.2016 // Официальная база данных решений ЕСПЧ HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/> (дата обращения: 25.10.2020).